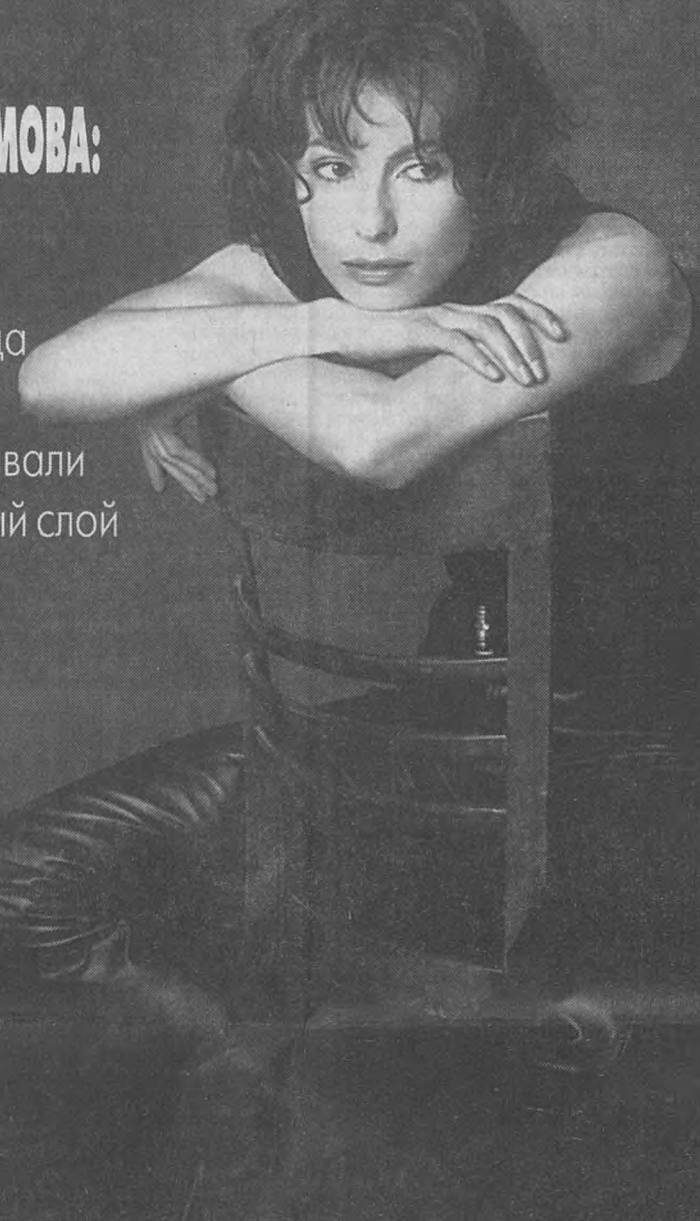

БОГЕМА

Ирина АЛЕКСИМОВА:

“На мои синие от холода руки накладывали огромный слой грима”

Валерий Николаев с Дашей.

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

— Да, невероятные по тем временам деньги. Да, в общем, и по всяким временам. Меня поселили в роскошной гостинице, платили сумасшедшие суточные. Это был такой шок.

— А на что, если не секрет, вы обычно тратите основную часть заработанных денег?

— На еду и на одежду. Очень люблю ходить в рестораны. К сожалению, я никак не могу назвать себя практичной — если есть деньги, я их тут же трачу и даже не задумываюсь о том, например, что вдруг завтра будет нечего есть. (Сразу после этой фразы Ирина уверенно добавляет: “Типун мне на язык”. — К.М.)

— Говорят, когда-то вы зарабатывали, выступая в ночных клубах...

— Да, в начале 90-х. Пропало все кино. В театрах платили что-то около 130 рублей. Мы с Валерой играли тогда в спектакле “Несколько танцев под шум дождя” и танцевали в нем степ и джаз. И вот кто-то, я даже не помню кто, впахнул нас с номерами из спектакля в какой-то концерт, за деньги. И пошло-поехало: нас

— Вы могли бы сняться в рекламе?

— Смотря в какой. Я считаю, что некоторые наши актеры, выступив в рекламе, к примеру, пива или моющих средств, конечно, подпортили свой имидж. А если стать лицом какой-нибудь хорошей косметической фирмы — почему бы и нет?

— Ваша дочка сейчас живет с вами?

— Да, Даше семь лет, она учится в первом классе и занимается балетом у Гедиминаса Таранды. Я не собираюсь, по крайней мере сейчас, делать из нее профессиональную балерину. Но мне кажется, что для девочки очень важно иметь хорошую осанку, красиво двигаться. Я сама с детства мечтала стать балериной.

— Даша похожа на вас?

— В чем-то да, но она, конечно, другая. Я была “пацанкой”: носилась везде, по заборам лазила, да и дружила в основном с мальчиками. Но ведь у меня было совсем другое детство. В те времена ребенка спокойно отпускали во двор одного, а через несколько часов просто звали из окна: “Ира, домой!” А сейчас я ж никогда в жизни не выпущу Дашу на улицу — страшно.

— Хватает времени на ее воспитание?

— Нет, конечно. Даша в основном общается с няней. Мое воспитание состоит в том, что я отвожу ее в школу рано утром и иногда, очень редко, успеваю уложить спать — я прихожу не раньше, чем в 10 часов, а то и позже. Ночью она иногда просыпается, и я переносю ее к себе — вот и все наше общение. Навероятно жду мая, когда у Даши закончится учебный год и я ее отвезу к моей маме в Нью-Йорк. Я мечтаю проснуться сама, без будильника, и лечь спать тогда, когда захочу.

— А как получилось, что ваша мама сейчас в Нью-Йорке?

— Когда мы собирались жить в Голливуде (смеется) — во время съемок “Святого”, — моя мама испугалась, что мы навсегда останемся в Америке. Поэтому она подала документы — чтобы быть рядом с нами. Все закончилось тем, что мама уехала туда, а я вернулась в Москву. Сейчас она там с моим старшим братом, но со временем собирается вернуться.

— Когда вы после окончания школы решили ехать в Москву поступать в театральное, родители не пытались вас “образумить”?

— Нет, что вы. У меня вообще творческая семья: папа — музыкант, мама — дирижер. Да и мама всегда была моим лучшим другом и меня поддерживала. Я поступила в театральное не так вот “с лету”: ездила в Москву три года подряд, и мама выстояла со мной все туры — до последнего экзамена.

— Бывают у вас депрессии?

— Да, с возрастом чаще. Когда мне стукнуло 30 года, у меня как раз началась та самая “депрессуха”. Обычно она случается по весне: сейчас как раз самое время. Когда мне плохо, я довожу себя совсем до состояния кошмара, тогда очень легко из него потом выйти. Или если у меня неприятности, я специально нарываюсь на еще большие неприятности, чтобы дійти до самой нижней точки.

— В одежде вы всегда отдаете предпочтение черному цвету. А дамские штучки — косметику, духи — вы любите?

— Черный цвет я предпочитаю как в жизни, так и на экране — почти во всех сериалах я снимаюсь в своей одежде. Просто у нас киностудии бедные, и они часто не могут приобрести нормальные вещи. Я время от времени пытаюсь покупать себе что-то цветное (демонстрирует ярко-желтые брюки), но это всегда “ниже пояса” (“выше пояса” на Ирине черная водолазка. — К.М.). А косметикой в жизни я почти не пользуюсь. Ну если только совсем уж плохо выгляжу — тогда, конечно, что-то замазываю. Мои любимые духи — французские. У нас их практически невозможно купить, это запах чистой ванили. Духи так и называются — “Ваниль”.

— Вы недавно обмолвились, что ваше расставание со МХАТом теперь, наверное, навсегда.

— Когда произошел конфликт, мне сделало очень больно. Я 12 лет прожила во МХАТе: дневала ночевала — театр стал домом, куда всегда можно было зайти перекусить в буфет, пообщаться с друзьями. Потом у меня мой дом отобрали. Я играла по пятнадцать спектаклей в месяц. И тут образовался вакуум. Куда себя девать-то? Это было очень страшно. Но я все равно надеялась, что вот-вот что-то наладится. В январе прошлого года Олег Николаевич Ефремов сказал: “До лета дотянем, а там будем с тобой разговаривать о возвращении”. У нас же скандал произошел с дирекцией театра, а не лично с Ефремовым... (В 1997 году актеры театра создали профсоюз, который возглавила Алексимова. Профсоюз не принял нового устава МХАТа, навязываемого дирекцией. Директор уволил мятежных актеров, несмотря на протест Ефремова. — К.М.) На похоронах Олега Николаевича у меня было ужасное ощущение — умерла моя мхатовская эпоха. Но пришел Олег Павлович — мой педагог... С тех пор как он во МХАТе, мы не виделись, он меня не звал.

— Почему вы вдруг решили выступить в роли продюсера?

— На театральные постановки я уже не шибко рассчитываю, на кино тоже — и пришла к выводу, что нужно делать все самой. Поэтому я впервые в жизни продюсирую спектакль. Пьеса замечательная. Несмотря на то что она написана в конце 80-х годов, в ней ничего не надо менять: она о женщине, о нормальной бабской судьбе. Эдвард Станиславович Радзинский — специалист по женским образам. Такое ощущение, что он знает про нас больше, чем мы сами. Я и взялась за этот проект главным образом потому, что роль в нем настолько роскошная, завидная для актрисы! А потом, я всю жизнь мечтала поработать с Виктормом.

— Чем отличается нынешний “Декамерон” от классического “Декамерона” Боккаччо?

— Как раз на днях по этому поводу генерально высказался Роман Григорьевич Виктюк: “У Боккаччо основной проблемой была борьба добра со злом, а в “Нашем Декамероне” идет борьба зла с ужасом”. Поэтому что добро теперь — очень редкая вещь, которая идет только от тебя.

— Вашу героиню убивают чуть ли не в начале действия — многие актеры побаиваются участвовать в таких постановках.

— Какая-то опаска, конечно, есть. Я уже три года связана с нашим спектаклем. И с тех пор в моей жизни стали происходить невероятные события. Мое расставание со МХАТом, развод с мужем, с которым мы прожили 12 лет, появление новой квартиры.

В спектакле есть такая замечательная фраза: “И началась моя новая жизнь”. Вот и у меня — старая жизнь уже мордой об стол стукнула, зато теперь все по-новому, все только начинается...

Карина МЕЛКУМЯН.

“БУРЖУЯ”

думаете, может произойти так, что вы снова будете там работать?

— Все может быть, но не думаю, что это случится. Мне там нечего делать. Абсолютно. Начинать карьеру на Западе можно будучи или невероятной звездой здесь, как Самойлова в период, когда она сыграла в “Летят журавли”, или 14—15-летней, как Милла Йовович, чтобы начинать расти уже там. А наши средние артисты, которых здесь называют звездами (меня вот тоже, извините за выражение, так величают) — кому мы там нужны? Лиц у них своих достаточно. Школа наша действительно считается лучшей, но им этого не надо.

— Ваши с Валерой роли в “Святом” получились такими “шаблонными”: папахи, одежда в военном стиле.

— Так и было. Но, кстати, то, что на нас надето в “Святом”, — это большая наша с Валерой заслуга. Потому что вначале на нас пытались надеть чуть ли не по 500 кофточек, по пять шапок и по несколько курток — так, по их понятиям, ходят русские в морозы. Мы им говорим: “Ребята, у нас так не одеваются. Когда холодно, мы просто носим теплые вещи”. Затем мы попытались еще что-то объяснить, но услышали: “Нам не интересно, как у вас. Нам интересно так, как нам надо”.

— Ирина, что это было за таинственная история со съемками у Годара? Как он вообще на вас вышел?

— Восемь лет назад Сергей Александрович Соловьев запускался с “Анной Карениной”. И очень долго и мучительно искал главную героиню. Я тоже была в ряду “миллионов”, которые пробовались на “Мосфильме”. Потом мне позвонили: “Приехал Годар, он собирается снимать “Каренину” и видел вашу фотографию. Приходите на пробы”. Я спрашиваю: “А что мне нужно подготовить?” — “Монолог Анны Карениной”, — говорят. Я честно пролила весь роман Толстого. Монолога у Анны Карениной не нашлось, зато нашлось монолог Вронского. Тут на меня набросился Валера, мой главный советчик: “Ты же не на Вронского, а на Каренину пробуйся, идиотка!” А я на тот момент как раз только что сыграла Елену Андреевну в “Дяде Ване”. И решила: прочту кусок из Чехова — это ж француз, наверняка ничего не поймут. В общем, начала с толстовских знаменитых строк “Все счастливые семьи...”, а дальше — вистую монолог Елены Андреевны прочла.

Видимо, оттого, что это была авантюра и у меня “блестел глаз”, уже через несколько дней меня пригласили в Париж. И я через неделю снималась во Франции.

— Пришлось играть “хрестоматийную” Анну Каренину?

— Это не была “Анна Каренина” в чистом виде, Годар слепил коллаж из русской классики с персонажами из чеховских “Чайки”, “Трех сестер” и “Карениной” Толстого. Я весь фильм работала без партнеров — только произносила какие-то монологи. О дальнейшей судьбе картины не знаю ничего — я ее никогда в жизни не видела.

— Но за съемки-то вам заплатили?

— Да, но это была авантюра и у меня “блестел глаз”, уже через несколько дней меня пригласили в Париж. И я через неделю снималась во Франции.

— Пришлось играть “хрестоматийную” Анну Каренину?

— Это не была “Анна Каренина” в чистом виде, Годар слепил коллаж из русской классики с персонажами из чеховских “Чайки”, “Трех сестер” и “Карениной” Толстого. Я весь фильм работала без партнеров — только произносила какие-то монологи. О дальнейшей судьбе картины не знаю ничего — я ее никогда в жизни не видела.

— Но за съемки-то вам заплатили?

— Да, но это была авантюра и у меня “блестел глаз”, уже через несколько дней меня пригласили в Париж. И я через неделю снималась во Франции.

— Пришлось играть “хрестоматийную” Анну Каренину?

— Это не была “Анна Каренина” в чистом виде, Годар слепил коллаж из русской классики с персонажами из чеховских “Чайки”, “Трех сестер” и “Карениной” Толстого. Я весь фильм работала без партнеров — только произносила какие-то монологи. О дальнейшей судьбе картины не знаю ничего — я ее никогда в жизни не видела.

— Но за съемки-то вам заплатили?

— Да, но это была авантюра и у меня “блестел глаз”, уже через несколько дней меня пригласили в Париж. И я через неделю снималась во Франции.

— Пришлось играть “хрестоматийную” Анну Каренину?

— Это не была “Анна Каренина” в чистом виде, Годар слепил коллаж из русской классики с персонажами из чеховских “Чайки”, “Трех сестер” и “Карениной” Толстого. Я весь фильм работала без партнеров — только произносила какие-то монологи. О дальнейшей судьбе картины не знаю ничего — я ее никогда в жизни не видела.

— Но за съемки-то вам заплатили?

Такие или нравятся с первого взгляда, или раздражают. О ней говорят как с восхищением: “Она стильная, интеллигентная, в ней столько породы”, так и с неприкрытой неприязнью: “Слишком самоуверенная, слишком избалованная и надменная”. Но абсолютно все уверены, что она — роковая женщина. И такая роковая — одна. Ирина Алексимова. Сначала была “Лимита” Дениса Евстигнеева. Один только эпизод, зато какой! Ее героиня приходит с мужем к герою Машкова. Муж делает заказ: “вскрыть” дискету. Они уходят. Она возвращается, просит воды. Машков приносит. Она медленно выливает воду ему на голову. Они мгновенно совокупаются. Она молча уходит. Все. Три минуты экранного времени.

Образцом стиля стала Амина в “Дне рождения Буржуя”. А образцом стильной пары — Ирина Алексимова и Валерий Николаев. Других таких до сих пор не было и нет. В них не было ни капли пошлости. И вдруг — он уезжает в Америку, он снимается у Оливера Стоуна, он востребован. У нее — после Нойса, Годара — простой. И развод.

Она “держит лицо” — она не перестает посещать светские вечеринки, она продолжает улыбаться — холодно и красиво. Я восхищалась и терялась: какой же она окажется наедине с диктофоном. Мы встречались дважды — один раз в модном кафе. Второй — в театре Романа Виктюка, где она репетирует роль в спектакле по пьесе Эдварда Радзинского “Наш Декамерон”, который сама же продюсирует.

Первый раз я вышла в недоумении, после второго разговора мне казалось, что я понимаю ее с полуслова.

— Ирина, многие воспринимают вас как светский персонаж. Вы ходите на модные вечеринки, чтобы завязать нужные знакомства, лишний раз “засветиться”?

— Я просто люблю шумные компании, банкеты, веселые гулянки и танцы до упаду. Но и в “практических целях” я тоже время от времени на каких-то тусовках появляюсь. Может, я не права, но мне кажется, что в актерской профессии важно, чтобы лицо периодически было на виду. А то тебя очень быстро забывают. Меня не было в России 8 месяцев, и за это время я каждый месяц за свой счет на неделю прилетала в Москву — играть во МХАТе. И все равно, когда я вернулась окончательно, пришлось о себе напомнить.

— Посещая тусовки?

— Ну да. Я прилетела как раз перед Московским кинофестивалем, меня пригласили на открытие, и — сработало: “О, она вернулась!”

— Сразу посыпались приглашения?

— Они никогда в жизни ниоткуда не сыпались, но после этого сразу появился “Буржуй”.

— Вы снимались на Западе. Говорят, там у “звезд” совсем другой подход: они в отличие от нас абсолютно четко осознают, что мелькание на светских вечеринках и публикации в прессе играют важную роль в актерской карьере.

— Не знаю, у меня не было такой бурной западной жизни. Просто я была русская, которую допустили сниматься “там”. Но в принципе на Западе все абсолютно так же. Никогда — ни у нас, ни у них — никто тебе не скажет на вечеринке: “О, у меня есть для тебя роль”. По большому счету тусовки ничего не решают. Просто там мелькает твое лицо, и когда-нибудь может сработать эффект: “Где-то я ее уже видел”.

— Ирина, судя по всему, вы не в восторге от вашего экранного образа “роковой женщины”. Как он появился — сам по себе или вы его “прорисовали” и потом попали в свою же ловушку?

— Сама я этот образ не создавала. Не знаю, к счастью или к сожалению, но меня так воспринимают все и везде. А хочется играть не только холодных женщин, о которых кто-то из классиков сказал: “И на челе ее высоким не отразилось ничего”. Я десять лет работала во МХАТе и переиграла кучу роскошных классических ролей, о которых можно только мечтать. Но этого никто не видел, не знал и не слышал.

С другой стороны — наверное, хорошо, что у меня есть такой образ. Потому что, если бы его не было, может, меня вообще никто не знал, не снимал, и сидела бы где-нибудь в московке.

— Где сейчас Валерий Николаев?

— Где-то между Голливудом и Москвой.

— Ваш развод с Валерием был для всех большой неожиданностью — уж слишком все привыкли к тому, что вы такая образцовая “звездная пара”.

— Все, естественно, произошло не вдруг и не срочно — мы отходили друг от друга постепенно. Просто в прошлом году, когда нас раскручивали в связи с “Буржуем”, со “звездной парой” получился явный перебор. Ну нельзя так: нас сделали уж такими сладкими, уж настолько любящими друг друга, что от этой “сладости” просто некуда было деться. Во всех интервью мы рассказывали о том, как начинался наш роман...

— Что же, вы стали жертвами “Буржуя”?

— Да, получается, стали жертвами “Буржуя”. (Очень долго смеется.)

— А может, на ваш развод как-то повлияло еще и расставание — Валера работает в Штатах, вы — здесь.

— Может, и это оказало какое-то влияние. Потому что десять лет мы постоянно находились вместе: в театре, в кино. Потом, когда появилась эта Америка-разлучница (говорит с иронией), конечно, произошло какое-то отдаление: сколько по телефону ни общайся, все равно у каждого начинает происходить какая-то личная жизнь. Накапливаются мелкие проблемы, о которых не говоришь по телефону. Ты все решаешь сам, и получаешь, что уже нет необходимости в другом человеке.

— После разрыва с Валерой в прессе вас то и дело пытаются “сосватать” то за одного, то за другого вашего приятеля.

— Некоторые мои друзья очень ревностно относятся к тому, что меня в очередной раз к кому-то “припечатывают”: то за того я замуж выхожу, то за другого. Они говорят: “Ира, это же безобразие!” Но мне абсолютно все равно.

— Вы всегда были избалованы мужским вниманием?

— Да уж, везло (стучит по деревяшке). С поклонниками у меня с детства все было в полном порядке.

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

С дочерью на съемках “Империи под ударом”

Первый кавалер появился, кажется, в четвертом классе. Он учился в десятом. Мы с ним какое-то время встречались.

— Что если вам предложат вновь сняться вместе с Валерой?

— Почему бы и нет? Мы всю жизнь были большими друзьями и, я надеюсь, такими и останемся.

— Съемки “Буржуя” были оправданы материально?

— Да, очень. Но это был ужасный период, я еле выжила. Жили мы в основном в самолете: в шесть утра я вставала, в 8 вылетал самолет в Киев, а вечером снова возвращалась в Москву. Съемки проходили в жутком холоде: киностудия Довженко — это за гранью добра и зла. Не отапливалось ничего. Чтобы скрыть синий от холода цвет рук, на них накладывали огромный слой грима.

— А как же вхождение в образ “дорогой женщины”?

— Никакой “дорогой женщины” и близко не было. Я приезжала на съемку и сидела раскручивала: “Так, что снимаем? Быстрее! Какой текст?” Мне показывали текст, я его мгновенно прочитывала — у меня хорошая память, — и начиналось: “Поехали, в темпе!” Одна сцена. Переоделись. Снова: “Поехали!” Другая сцена. Так прошли все семь месяцев “Буржуя”.

— Когда вы снимались в “Буржуе”, вы уже планировали заранее, на что потратите свой гонорар?

— О да! У меня было очень много планов на эту сумму, но в результате денег осталось только на то, чтобы пару месяцев не заботиться о новой работе и нормально питаться. Просто, когда стали появляться первые деньги, оказалось, что у меня огромное количество “брешей” — долги и тому подобное, которые надо заткнуть.

— Я слышала, что после съемок “Буржуя” был проведен социологический опрос среди телезрителей. И выяснилось, что экранному герою Валерия Николаева симпатизируют практически все, а отношению к Амине получилось неоднозначным: “фифти-фифти”. И поэтому в продолжении сериала про Буржуя вашу героиню...

— ...убирают. Возможно. Мне этого никто не говорил — во второй части про Буржуя меня уже нет — но думаю, что так оно и есть.

— Из наших актрис вы дольше всего продержались на Западе — в 1996 году снимались у Филиппа Нойса в “Святом”, в 93-м у Годара. Как вы

— Да, но это была авантюра и у меня “блестел глаз”, уже через несколько дней меня пригласили в Париж. И я через неделю снималась во Франции.

— Пришлось играть “хрестоматийную” Анну Каренину?

— Это не была “Анна Каренина” в чистом виде, Годар слепил коллаж из русской классики с персонажами из чеховских “Чайки”, “Трех сестер” и “Карениной” Толстого. Я весь фильм работала без партнеров — только произносила какие-то монологи. О дальнейшей судьбе картины не знаю ничего — я ее никогда в жизни не видела.

— Но за съемки-то вам заплатили?

— Да, но это была авантюра и у меня “блестел глаз”, уже через несколько дней меня пригласили в Париж. И я через неделю снималась во Франции.

— Пришлось играть “хрестоматийную” Анну Каренину?

— Это не была “Анна Каренина” в чистом виде, Годар слепил коллаж из русской классики с персонажами из чеховских “Чайки”, “Трех сестер” и “Карениной” Толстого. Я весь фильм работала без партнеров — только произносила какие-то монологи. О дальнейшей судьбе картины не знаю ничего — я ее никогда в жизни не видела.

— Но за съемки-то вам заплатили?

— Да, но это была авантюра и у меня “блестел глаз”, уже через несколько дней меня пригласили в Париж. И я через неделю снималась во Франции.

— Пришлось играть “хрестоматийную” Анну Каренину?

— Это не была “Анна Каренина” в чистом виде, Годар слепил коллаж из русской классики с персонажами из чеховских “Чайки”, “Трех сестер” и “Карениной” Толстого. Я весь фильм работала без партнеров — только произносила какие-то монологи. О дальнейшей судьбе картины не знаю ничего — я ее никогда в жизни не видела.

— Но за съемки-то вам заплатили?

— Да, но это была авантюра и у меня “блестел глаз”, уже через несколько дней меня пригласили в Париж. И я через неделю снималась во Франции.